

25. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 200. Л. 3, 28.
26. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 34. Л. 37–38, 144–145.

УДК 639.1

С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрена история развития охотничьего промысла в Енисейской губернии в досоветский период. Очевидное сокращение численности промысловых животных побудило органы государственной власти в губернии в предвоенный период принять меры по защите охотничьих животных от истребления и по восстановлению популяции соболя.

Ключевые слова: охота, пушные звери, скупка пушнины, охотник, заповедник.

S.T. Gaidin, G.A. Burmakina

HUNTING IN THE YENISEI PROVINCE IN THE PRE-SOVIET PERIOD

Hunting development history in the Yenisei province in the pre-Soviet period is considered in the article. Visible reduction of the game animal number made the public authorities initiate measures on the game animal protection from extermination and on sable recruitment in the province in the prewar period.

Key words: hunting, fur animals, fur buying up, hunter, nature reserve.

Разработка оптимальных подходов к использованию и охране ресурсов живой природы в современных условиях невозможна без учета опыта, накопленного в предыдущий период. Поэтому в статье мы поставили цель выявить историю развития охотничьего промысла в Енисейской губернии в досоветское время. В ходе исследования мы попытались найти ответы на вопросы – какую роль играл охотничий промысел в жизни различных категорий населения, какие правила сохранения охотничьих ресурсов существовали у каждой из них, какие изменения происходили в среде охотников, какие факторы влияли на развитие промысла на протяжении рассматриваемого периода, какие меры по оптимизации использования, сохранению и воспроизводству охотничьей фауны использовались.

В основу исследования были положены материалы архивов, Памятных книжек Енисейской губернии, работ первого губернатора А.П. Степанова, врача и этнографа М.Ф. Кривошапкина, золотопромышленника и этнографа Н.В. Латкина, председателя Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества А.Я. Тугаринова, других авторов.

Российские власти, испытывая хронический дефицит бюджета с конца XVI в., пытались пополнять его за счет сибирской «мягкой рухляди» или меха ценных пушных зверей. «Государевы люди» налагали пушной ясак на коренные народности региона. В одной из первых Памятных книжек Енисейской губернии отмечалось, что заложенный в 1619 г. Енисейский острог был построен в крайне неудобном, заболоченном и затопляемом месте. Но это компенсировалось тем, что он был расположен в самом центре расселения звероловных племен и был очень удобен с точки зрения сбора ясака [1, с.3].

Первый губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, в процессе знакомства с вверенной ему губернией, обстоятельно проанализировал состояние охотничьего промысла в ней в 20-е гг. XIX в. Он констатировал, что охота здесь относится к числу основных видов деятельности, и показал её роль в жизни различных категорий населения.

Для коренных народностей Севера охота, наряду с рыболовством, являлась основой всей их жизни, давая им пищу, одежду, материал для чумов и средства для приобретения необходимых товаров, продуктов и припасов.

В жизни кочевых племен качинцев, кизильцев, минусинских и канских татар, занимавшихся скотоводством, охота играла вспомогательную роль, обеспечивая им чуть больше тридцати процентов совокупного денежного дохода [2].

Крестьяне же занимались охотой только в свободное от земледелия и других видов хозяйственной деятельности время. Доходы от охотничьей деятельности составляли немногим более трех процентов в их совокупном денежном доходе [3]. Такая ситуация была обусловлена тем, что государство поддерживало охотничий промысел коренного населения в целях гарантированного сбора ясака. Крестьян же, напротив, оно побуждало заниматься земледелием и различными хозяйственными промыслами [4].

Ко времени прихода в Сибирь русского населения у коренных народностей, судя по информации А.П. Степанова, сложилось проверенное временем отношение к природе как к источнику своего существования. Охотясь на зверей, они старались не подрывать продуктивность охотничьих угодий. Селькупы или остяки, живущие на просторах Крайнего Севера, обычно охотились силами одной семьи, которая выезжала на промысел на нартах, запряженных собаками. Ненцы, которых называли самоедами, и эвенки, которых называли тунгусами, в более продуктивных угодьях объединялись в охотничьи группы из нескольких семей, которые ехали либо на нартах, запряженных оленями, либо верхом.

Календарь эвенков показывает, насколько их жизнь была подчинена природным циклам. Год у них начинался с наступлением весны, когда они в период Туран, примерно в марте месяце, охотились на копытных животных, загоняя их по насту на лыжах. Затем в апреле, во время отела копытных, они перебирались к рекам и в период Дункун занимались исключительно рыбной ловлей. В июле, в период Илкун, когда подрастал молодняк, они также жили за счет рыбалки. В сентябре, когда начинался гон копытных, эвенки охотились на них, подманивая на звук вабы. А осенью, с появлением льда на озерах и реках, начинался период Угун, когда они вплоть до весны охотились на пушных зверей в таежной зоне [5].

Охотничий промысел коренных народов Севера обеспечивал основной объем качественной пушнины, добываемой в Енисейской губернии. По данным на 1831 г., в Енисейском округе было добыто 8000 соболей, 30000 белых песцов, 200000 зайцев и 500000 белок [6, с. 79]. Несмотря на большое количество добываемой здесь пушнины, охотничий прессинг не был чрезмерным из-за специализации разных народностей Севера на добыче тех или иных видов копытных животных и пушных зверей. Так, эвенки, селькупы и кеты в основном охотились на белок. Энцы и ненцы занимались охотой на оленей. Якуты и долгане специализировались на охоте на песцов и лис [7, с. 176]. На практике эта специализация имела достаточно условный характер, но она свидетельствовала о сложившихся предпочтениях в местах проживания коренных народностей Севера.

Кочевые племена использовали другую тактику охотничьего промысла. Кочевники выезжали на охоту большими группами на лошадях. Они добывали копытных животных и пушных зверей. Но никогда не задерживались в одном урочище надолго, что позволяло сохранять часть зверей и давало уверенность в успешной охоте на следующий год. Это был надежный способ поддержания баланса между потребностями людей и возможностями природы.

Крестьяне, как правило, охотились недалеко от места проживания. Они экономили порох и свинец, которые стоили в те времена недешево, и старались обходиться самодельными приспособлениями для лова пушных зверей. Тем не менее за сезон они добывали примерно 1220 соболей, 7500 колонков, более 15000 горностаев, 120000 белок, а также небольшое количество лис, волков и медведей. Большим спросом у аптекарей пользовалось «кабарожья струя» [6, с. 99].

При обилии в лесах боровой дичи крестьяне пренебрегали такими птицами, как рябчики и куропатки, предпочитая охотиться на крупных по размерам тетеревов и глухарей. Причем из-за сложности хранения добычи в теплое время и проблем с её доставкой в города дичь в основном потреблялась в крестьянских семьях. Поэтому битой птицы на городских рынках было мало, и стоила она дорого. Например, за пару куликов или рябчиков в Красноярске нужно было отдать двадцать копеек. За эти деньги в городе можно было купить либо пуд ржаной муки, либо по сто штук картофеля или огурцов [6, с. 96]. Из-за отсутствия боровой дичи на рынках Енисейской губернии её завоз до середины XIX в., а скорее всего и в дальнейшем, производился из соседней Томской губернии. Вывоз дичи за пределы Енисейской губернии источниками не зафиксирован.

Одним из желанных объектов охоты крестьян в осенний период были дикие козы, или косули, из шкур которых тогда шили шубы. Они были теплее овчинных, и в морозы их носили и мужчины, и женщины. По расчетам губернатора, на эти цели ежегодно в губернии добывали до 30000 косуль [6, с. 79]. Таким образом, крестьяне получали материал для одежды и вкусное полезное мясо к своему столу, которое тем более готовилось впрок в вяленом виде.

Наиболее универсальными орудиями охоты у всех категорий охотников являлись луки со стрелами и винтовки. Но в разных частях губернии для охоты на различных зверей использовались специализированные приспособления. Для охоты на медведей, росомх и волков использовались рогатины

и пальмы с закрепленным на древке ножом. Лисиц ловили капканами, белок плашками, кротов выживали из нор водой, на зайцев ставили петли. Северные охотники при охоте на песцов делали в тундре многокилометровые заборы из лозы, которые назывались остьками. В них оставлялись проходы для установки ловушек на ценных зверьков, которые становились добычей охотников. А при охоте на диких оленей использовали обученных домашних оленей, к рогам которых привязывались петли из ремней. Во время поединка олени запутывались, и хозяин домашнего оленя получал свою законную добычу.

Используемые в губернии в XIX в. орудия и способы охоты на пушных зверей и копытных животных не подрывали их воспроизводство. Однако в рассматриваемый период в губернии началось формирование новой категории профессиональных охотников, которых называли промышленниками. В их рядах могли оказаться представители крестьян, кочевых племен и коренных народностей Севера. Они стали порождением проникавших в Сибирь рыночных отношений и жили сегодняшним днем, ориентируясь на имеющийся спрос на продукцию охотничьего промысла. Промышленники занимались заготовкой лебяжьего и гусиного пуха, из которого делались одеяла, модные среди элиты европейской части страны. Спросом также пользовались одеяла из выделанных шкур, покрывающих лебяжий зоб. В период линьки, когда птицы утрачивали способность к полету, они выставляли в тундре сети, в которые загоняли по несколько сотен гусей и лебедей. Затем их убивали палками, чтобы выщипать отрастающий пух. С появлением таких промышленников, среди которых преобладали русские, в губернии началось истребление животных в угоду получения прибыли.

В середине XIX в. в городах губернии появилась новая категория охотников-любителей, которые смотрели на охоту не как на промысел, а как на способ проведения досуга. К числу таких охотников относились купцы, управленческий персонал золотых приисков, приказчики, учителя. М.Ф. Кривошапкин сравнивал их увлечение с баловством, так как в большинстве своем у них не было опыта охоты, они плохо стреляли и не имели необходимых для охоты на пернатую дичь собак. Поэтому такая охота, по его мнению, представляла собой бесполезную трату времени, сил, пороха и дроби. Тем более, что она наносила вред настоящим охотникам, так как «любители» пальбой из ружей распугивали птиц в окрестностях городов [8, т. 2, с. 13].

Но любительская охота со временем становилась все популярней. Этому способствовала возможность приобретения оружия по относительно небольшим ценам. Так, в 1896 г. в Красноярске открылся специализированный ружейный и оптический магазин С.Н. Штаблера, в котором можно было купить ружья, револьверы, охотничьи и рыболовные принадлежности и припасы, а также бинокли и подзорные трубы [9, с. 398]. В 1905 г. охотники-любители создали Красноярское общество правильной охоты [10, с. 50].

Скупкой пушнины у населения в первой половине XIX в. в основном занимались купцы из Вязниковского уезда Владимирской губернии, а также енисейские и красноярские предприниматели, которые затем переправляли её на Ирбитскую ярмарку на Урале. В небольших количествах пушнину у охотников скупали торгующие крестьяне и мещане, которые сбывали её купцам, идущим с караванами. Со временем русские охотники, проживавшие в северных станках (Сумароковском, Верхнеимбатском и других), стали переключаться с охоты на пушных зверей на скупку пушнины у охотников из коренных народов Севера. Они забирали пушнину фактически за бесценок – за продукты, товары и очень небольшие деньги, чтобы затем перепродать её купцам.

Наиболее высокую стоимость имела пушнина, добываемая в Енисейском округе и Туруханском крае. Так, соболь, продаваемый в Енисейске, стоил от 5 до 25 руб., тогда как соболь из южной части губернии, продаваемый в Минусинске, стоил от 8 до 12 руб. Белый песец стоил 3 руб., голубой 20 руб., а цена крайне редкой черно-бурой лисицы доходила до 150 руб. Это были большие деньги, учитывая, что овца в Красноярске стоила 2 руб., свинья – 5 руб., а корова примерно 12 руб. [6, с. 96, 99]. Высокая стоимость меха черных лисиц дала толчок зарождению в губернии примитивного звероводства. Пойманных с лисятами чернобурок содержали до вызревания меха, что обеспечивало охотникам очень высокую прибыль.

Купцы предпочитали не покупать пушнину, а выменивать её на необходимые охотникам товары и припасы. Они завозили на Север винтовки, ружейные припасы, железные изделия, ткани, бисер, муку, чай, соль. Цены на товары устанавливали сами купцы. А представители коренных народов Севера, которые плохо ориентировались в ценах и покупательной способности денег, попадали в финансовую зависимость от скупщиков пушнины. Русские крестьяне предпочитали продавать пушнину за деньги, выбирая для себя лучшие условия как для продажи добычи, так и для покупки необходимых товаров на вырученные деньги.

Несмотря на значительные объемы добычи пушных зверей, губернским властям не удалось создать относительно надежной системы их учета. «Официальные» данные, составляемые методом опроса охотников, чаще всего были сильно заниженными. Охотники утаивали часть добычи, опасаясь взимания налогов и долгов за получение хлеба из хлебозапасных магазинов. Этим они оберегали себя также от

завистников и грабителей. А охотники из коренных народностей Севера таким способом уклонялись от погашения долгов купцам.

Из-за отсутствия достоверного учета различные данные по добыче пушныны в губернии могли значительно отличаться друг от друга. Н.В. Латкин утверждал, что до 1818 г. в Приенисейском регионе добывали не менее 9000 соболей в год [7, с. 170]. М.Ф. Кривошапкин в свою очередь писал, что в 1827 г. только из Туруханского края было вывезено 28000 соболей [8, т.2, с. 19]. По официальным данным, в губернии в 20-е гг. XIX в. в среднем в год добывалось 4615 соболей. Но по другим данным один только Туруханский край в отдельные годы давал более 5500 шкурок, а в Енисейском округе в 1831 г. было добыто 8000 соболей [6, с. 79].

Несмотря на то что достоверность учета добычи в последующие пятьдесят лет не слишком повысилась, губернские чиновники и охотники все же констатировали устойчивое снижение численности пушных зверей. В основе этого процесса лежало много разных причин. Одной из них было нарастающее уничтожение тайги в районах проживания земледельческого населения. Крестьяне, начиная разработку лесного участка под пашню, выжигали огромные пространства. Этот процесс нарастал по мере увеличения численности населения губернии за счет притока переселенцев из европейской части страны. Как свидетельствуют Материалы государственного исследования хозяйственной деятельности сельского населения, проведенного в конце XIX в., близкие к селам леса на территории Ачинского, Красноярского, Канского и Минусинского округов были уже вырублены, что вело к ухудшению условий обитания промысловых животных и птиц [11, с. 42, 44, 49, 54].

Новым фактором негативного воздействия хозяйственной деятельности на природную среду с 30-х гг. XIX в. стало развитие в губернии, в основном в Енисейском и Минусинском округах, золотодобывающей промышленности. Погоня за золотом, как писал М.Ф. Кривошапкин, привела в глухую северную тайгу тысячи людей. На многих реках были открыты прииски. Тайга стала отступать из-за прокладки дорог, заготовки дров, бесчисленных пожаров. Невероятные по масштабам пожары 1859 г. уничтожили тайгу на расстоянии в тысячи километров. Выгорели многие кедровники и была уничтожена кормовая база большинства видов зверей и птиц, на восстановление которой нужны были десятилетия [8, т. 2, с. 18]. Пушные звери и копытные под натиском развивавшейся добычи золота, по его утверждению, бежали в глухие таежные дебри, а бобры в этот период исчезли совсем. Зато к приискам на запах разлагавшихся трупов загнанных на непосильных работах лошадей потянулись из тайги волки и медведи, которые стали нападать на домашний скот и представляли угрозу для людей [8, т. 2, с. 19]. Отрицательное воздействие золотодобывающей промышленности на численность пушных зверей в 1880 г. отмечал Губернский статистический комитет [12]. А в 1888 г. об этом доносил губернатору енисейский уездный исправник [13]. Были годы, когда много пушных зверей гибло от независимых от человека обстоятельств. Много белок утонуло в Енисее во время массовых миграций в конце 50-х гг. XIX в.

Уменьшение численности промысловых животных и птиц в некоторых частях губернии также могло объясняться их избыточным промыслом. Увеличение спроса на мех песца привело к усовершенствованию технологии его добычи. Во-первых, появилось новое орудие лова, под названием пасть, которое ранее в источниках не упоминалось. Жители Туруханского края, в зависимости от уровня доходов и обеспеченности, имели от пятидесяти до нескольких сотен этих приспособлений. Во-вторых, во время осенней миграции песца на юг вдоль Енисея охотники, которые ранее ставили загородки – остьки в тундре, теперь стали перегораживать Енисей по льду не только ивовыми загородками, но и рыболовными неводами. Песцы, перемещаясь ночью вдоль этих заграждений, попадали в ловушки, выставленные в проходах. А дежурные охотники тут же убивали их палками, чтобы подготовить место для поимки следующего песца. За ночь они добывали от пяти до десяти ценных пушных зверей. За 1860 г. в период массовой миграции таким способом было добыто 7000 песцов [7, с. 177].

К сожалению, характер массового истребления приобрела охота на гусей и лебедей ради добычи легкого и теплого пуха. В начале 60-х гг. XIX в. охота на перелетных птиц, по утверждению М.Ф. Кривошапкина, еще не оформилась в специальный промысел. Охотники из коренных народностей Севера запасали битых гусей для собственного пропитания, закапывая их тушки в мерзлую землю. Небольшое количество гусей они продавали енисейским купцам. Летом же охотники уходили на рыбную ловлю на Енисей, и охота на птиц прекращалась. Только промышленники занимались их отловом для заготовки пуха и перьев. В начале 90-х гг. промышленники ежегодно продавали не только около тысячи тушек гусей, но и примерно 500 кг перьев и 800 кг пуха, для получения которых надо было истребить не одну тысячу птиц [7, с. 181]. Естественно, что такой промысел не мог не влиять отрицательно на воспроизводство перелетных птиц.

Снижение численности пушных зверей вызвало дискуссии о необходимости мер по защите охотничьей фауны от истребления. Но М.Ф. Кривошапкин в начале 60-х гг. XIX вв. считал, что в этом нет никакой необходимости. То количество охотников, которое проживало в Енисейском округе, по его мнению, не могло нанести непоправимый ущерб животному миру. Контролировать их деятельность на огромных пространствах, удаленных от населенных мест, было невозможно. А содержание в местах промысла лесной стражи требовало огромных финансовых затрат и ни в коей степени не оправдывало предпринимаемых мер контроля [8, т. 2, с. 20].

Вместе с тем он предложил меры, призванные защитить самок дичи от истребления во время весенней охоты на токах, так как их много гибло в выставляемых охотниками петлях и слопцах. Завоз на север большого количества пороха и дроби, по его мнению, позволял бы весной отстреливать прежде всего самцов. А чтобы сократить численность медведей и волков, уничтожавших домашний скот, М.Ф. Кривошапкин предлагал поощрять охотников, как это уже делалось в европейской части страны при борьбе с волками.

Очередная попытка определить реальные объемы добычи пушных зверей и копытных животных была предпринята в 1884 г., когда губернатор потребовал от окружных исправников предоставить ему соответствующую информацию. Скорее всего, её достоверность была невысокой, так как в некоторых отчетах имелись многочисленные исправления цифровых данных и последующие показатели значительно отличались от первоначальных. Но тем не менее предоставленные губернатору материалы позволили выявить географию охотничьего промысла. Основным местом охоты в губернии являлся Енисейский округ, где за год было добыто 218658 различных охотничьих зверей и животных. На втором месте оказался Канский округ, где охотники добыли 52000 зверей, на третьем – Минусинский округ, с добычей немногим превышающей 25000 зверей, на четвертом – Красноярский, с добычей 5150 зверей, на пятом – Ачинский, с добычей чуть более 4000 зверей [14].

Судя по данным окружных исправников, основным объектом охоты в большинстве округов была белка, которая в общем объеме добычи в Красноярском и Минусинском округах составляла 92 %. Указанный год был неудачным для охоты на соболей. В Ачинском округе не было добыто ни одного соболя, в Минусинском округе добыча составила всего десять соболей. В Красноярском округе охотники сумели добыть 114 ценных зверьков [15].

Собранная Енисейским губернским статистическим комитетом информация о результатах охотничьего промысла за 1888 г., 1889 г., 1890 г. свидетельствует о том, что в губернии имело место снижение добычи пушных зверей и копытных животных с колебаниями по годам. Так, в 1888 г. в губернии было добыто 292590, в 1889 г. – 222274, в 1890 г. – 250037 зверей и животных. Причем эти колебания в основном зависели от «урожая» на белок, которых в 1888 г. было добыто 263609, в 1889 г. – 197563, а в 1890 – 211363 штуки. А количество соболей, добытых в эти годы, неуклонно росло. В 1888 г. их в губернии было добыто 1435 штук, в 1889 г. – 1828 штук, в 1890 г. – 2693 штук. Причем, если в Ачинском округе соболь уже практически исчез из добычи, в Красноярском округе наблюдалось устойчивое сокращение его добычи, то в Канском округе за 1888–1890 гг. добыча соболя возросла с 793 до 1265 штук, в Минусинском и Усинском округах – с 75 до 827 штук [16]. По данным Н.В. Латкина, ситуация с добычей соболя в губернии выглядела более драматично, чем она была представлена в материалах губернского статистического комитета. Он писал, что до образования губернии в ней добывалось около 9000 соболей, в 50-е гг. XIX в. их добыча сократилась до 3000, а в самом начале 90-х гг. она упала до 200–300 штук [7, с. 170].

В начале 90-х гг. XIX в. губернская администрация была вынуждена более активно заниматься принятием мер по защите пушных зверей, копытных животных и пернатой дичи от истребления. Этому способствовало принятие в 1892 г. «Закона об охоте», который определял отношение государства к охоте и защите животного мира [17]. Согласно этому закону, организация охоты определялась Уставом о сельском хозяйстве, что позволяло рассматривать её как одно из важнейших направлений деятельности населения. А контроль за соблюдением закона возлагался на Министерство государственных имуществ. В его состав входил Лесной департамент, на который была возложена борьба с браконьерством.

Но спасать к этому времени нужно было не только зверей, животных и птиц, но и северных охотников, которые обеспечивали основной объем их добычи. Более 90 % эвенков Енисейской губернии в это время занимались охотой и лишь 8,4 % – оленеводством [18, с. 80].

Во второй половине XIX в. из-за распространения эпидемических заболеваний погибло много охотников из коренных народностей Севера. На состояние охотничьего промысла отрицательно, как бы это ни странно звучало, повлияло принятие государством мер по оказанию охотникам из коренных народностей Севера продовольственной помощи через открытие в местах их проживания хлебозапасных магазинов. Получая относительно дешевый хлеб, они теряли мотивацию к выходу на охоту, которая до этого являлась

для них средством к существованию. Когда же в один из годов выдачу хлеба, по ряду причин, пришлось сократить в четыре раза, охотникам пришлось больше рассчитывать на свои собственные силы. В результате они не только внесли 4000 руб. накопившихся недоимок, но и поймали 400 горностаев, которые в течение пяти предыдущих лет не фиксировались среди охотничьих трофеев [19].

Охотники, привыкнув к новому укладу жизни, не всегда были готовы идти за промысловыми животными, которые перемещались из относительно обжитых районов в глухую тайгу и малопосещаемые территории тундры.

Н.В. Латкин для сохранения охотничьих животных, зверей и птиц предлагал ввести «пощадные сроки», то есть периоды запретов на охоту. Для спасения охотников из коренных народностей Севера он предлагал прекратить обман охотников при сборе ясака, уничтожить их фактическое закабаление купцами, запретить передачу в оброчное пользование или продажу русским охотникам их охотничьих участков, захваченных в счет долга местными богатеями [7, с. 182].

Но если во второй половине XIX в. наблюдалось сокращение численности охотников из коренных народностей Севера, то в конце века охотой перестали заниматься многие крестьяне, которые ранее охотились поблизости от своих сел и деревень. Это произошло после принятия закона от 23 мая 1896 г. о наделении крестьян землей из расчета 15 десятин на мужскую душу, когда леса, окружавшие населенные пункты, были изъяты в пользу государства. По распоряжению Иркутского генерал-губернатора в 1897 г. в Енисейской губернии было изъято из свободного пользования 5 547439 десятин лесов, в том числе 382780 десятин в Канском уезде, 723600 – в Красноярском, 776745 – в Ачинском и 3664314 десятин – в Минусинском уездах. Эти леса были названы заповедными, и из них разрешался отпуск древесины населению на коммерческих началах [20, с. 112, 113]. А так как ближайшие к населенным пунктам леса были уже вырублены на строительство жилья и на дрова, то Д.М. Головачев вполне обоснованно утверждал, что после этого на нет стали сходиться охота, рыболовство, сбор кедровых орехов, грибов и ягод [21, с. 23]. Теперь за зверем и орехами нужно было уходить за десятки и сотни верст. Поэтому настоящих рыбаков и охотников в земледельческих районах остались единицы. Вероятно, это была очень эмоциональная реакция на происходящие изменения. Но очевидно и то, что в новых условиях охотиться с точки зрения затрат времени, усилий и финансовых средств стало намного сложнее.

Сокращение добычи пушных зверей крестьянами после изъятия заповедных лесов заставило органы власти искать способ выхода из сложившейся ситуации. В ноябре 1910 г. иркутским генерал-губернатором был утвержден «Проект правил о производстве охоты на птицу и зверя в казенных лесных дачах Енисейской губернии», который разрешал населению охотиться в заповедных лесах либо на условиях их аренды в качестве охотничьих оброчных статей, либо на условиях платы по утвержденной таксе. В правилах устанавливались сроки охоты на различные виды копытных животных и пушных зверей. Устанавливался запрет на весеннюю охоту по насту, устройство ям, использование кулемок, плашек и капканов на всех зверей, кроме хищников и белок. За охоту в непопозволенное время, использование запрещенных орудий лова, изъятие яиц из птичьих гнезд у охотников должно было изыматься оружие, орудия лова, и на них налагался штраф в размере десяти рублей. Лица, допустившие нарушение правил охоты, лишались права на её проведение, и у них изымался приобретенный билет на охоту в казенных лесах [22, с. 317, 318].

Несмотря на то что охотники и представители губернской администрации постоянно заявляли о сокращении численности охотничьих зверей, животных и птиц, их добыча, подвергаясь колебаниям по годам, тем не менее в начале XX в. стала расти. По данным губернского статистического комитета в 1911 г. в губернии было добыто 512811 охотничьих зверей и животных и 65084 штук пернатой дичи [23, с. 182]. Этому, вероятно, способствовало совершенствование орудий и способов лова, широкое распространение огнестрельного оружия. И, скорее всего, в губернии был налажен более тщательный учет всех видов охотничьей добычи.

Но количество соболей в общем объеме добычи пушнины неуклонно сокращалось. В Приангарье они практически исчезли в период между 1902 и 1910 гг. [24, с. 2]. По официальной статистике, в 1911 г. в губернии было добыто 1327 соболей [23, с. 182]. Специалист по охотничьему промыслу А.Я. Тугаринов, который провел опрос охотников, назвал другую цифру добычи в 1911 г. – 2480 штук [23, с. 16].

Если исходить из его данных, то соболь уже стал редкостью в Ачинском и Красноярском уездах, где было добыто 82 и 186 штук соответственно. Из Енисейского уезда, который был центром соболиного промысла, было доставлено всего 348 шкурок. На первое место по добыче соболя в предвоенный период вышел Канский уезд, который дал 1043 соболиные шкурки. Более 800 соболей было добыто в Минусинском уезде, причем треть из них в таежной Ермаковской волости. Знакомство с работой А.Я. Тугаринова о соболином промысле в Енисейской губернии позволяет сделать вывод, что количество соболя значительно

сократилось, что Енисейский уезд утратил свою прежнюю роль в соболином промысле, что в Канском и Минусинском уездах соболь сохранился в самых труднодоступных таежных урочищах по Кану, Агулу и Тагулу [25, с. 15, 16].

Для охоты на соболя охотники обычно создавали артели из 3–6 человек, что позволяло охватывать промыслом большую территорию. Для привады они нередко за 3–4 рубля покупали перед промыслом старую изработанную лошадь, на которой завозили в тайгу припасы, а затем забивали её, используя частично на собственное питание, а в основном на приваду. При средней цене на соболя в 30 рублей, которую давали скупщики пушнины непосредственно самим охотникам, эти затраты окупались даже при поимке одного ценного зверька.

Добыча в таких артелях делилась по числу участников или сообща продавалась с последующим разделом денег, хотя уравнильный раздел не всегда устраивал удачливых охотников, особенно владельцев хороших собак. Но ссор между участниками артели во время промысла обычно не было, так как все осознавали необходимость совместных согласованных действий. Обиды по отношению друг к другу, как правило, высказывались уже после раздела денег. Их становилось все больше по мере сокращения численности соболей. Так, на одного добытого соболя в 1911 г. Минусинском уезде, по нашим подсчетам, приходилось примерно 5 охотников, в Канском – 9, в Енисейском – 14, Красноярском – 15 и в Ачинском уезде – 17 охотников [25].

В своей брошюре А.Я. Тугаринов предлагал принять срочные меры для защиты соболя от полного истребления. Он считал, что нужно ввести запреты: на охоту на соболя с 1 февраля по 1 октября, на использование в промысле обметов, на продажу шкурок невызревшего соболя, добытого в запретное время. Для искоренения браконьерского промысла он предлагал обязать охотников до продажи соболиных шкурок предъявлять их государственным чиновникам для нанесения клейма и ввести ответственность торговцев за продажу шкурок, не имеющих такого клейма. Это предложение было логичным, своевременным и радикальным. Но учитывая сложившуюся в среде охотников традицию утаивания истинного размера добычи, оно, скорее всего, было невыполнимым. Тем более, что для этого нужно было задействовать значительное количество государственных служащих. А это, в свою очередь, привело бы к усилению коррупции в надзоре за пушным промыслом. Также А.Я. Тугаринов предлагал создать в губернии сеть заповедных территорий, которые по современной терминологии можно было бы квалифицировать, как заповедники и заказники. Такие заповедные территории с полным запретом охоты нужно было создать в бассейне Ангары, Кемчуга, Поймы, Ои, Кизира и других местах.

Обеспокоенность губернской администрации угасанием соболиного промысла, подкрепленная исследованиями А.Я. Тугаринова, заставила губернское Управление земледелия и государственных имуществ поставить в июне 1914 г. перед Министерством земледелия вопрос о создании в Канском уезде соболиного заповедника «Саянский». Министерство приняло положительное решение, были определены территория заповедника и штат сотрудников. Заведующим заповедника был назначен А.Г. Леппа [26]. В октябре 1916 г. в связи с принятием в России «Правил об охотничьих заповедниках» сотрудники заповедника «Саянский» были зачислены в организованный корпус лесничих и казенной лесной стражи Департамента земледелия по Отделению рыболовства и охоты [27]. В 1916 г. на побережье Байкала был создан второй в Сибири Баргузинский соболиный заповедник.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что охотничий промысел в Енисейской губернии в досоветский период являлся одним из основных направлений хозяйственной деятельности населения. Но его роль в жизнеобеспечении коренных народностей Севера, кочевого скотоводческого населения и крестьян зависела от специализации их деятельности. На протяжении рассматриваемого периода охотничий промысел развивался на экстенсивной основе и до формирования в губернии золотодобывающей промышленности не подрывал восстановительные способности дикой природы.

Увеличение численности населения губернии, развитие золотодобывающей промышленности, совершенствование орудий и способов охоты, формирование рыночных отношений в сфере охотничьего промысла привело к сокращению численности охотничьих зверей и животных.

В рассматриваемый период в жизни охотников из коренных народностей Севера и русских крестьян под влиянием различных факторов произошли изменения, повлиявшие на состояние охотничьего промысла:

с одной стороны, произошло сокращение числа охотников, с другой – понизилась мотивация, побуждающая к участию в промысле.

Очевидное сокращение численности промысловых животных побудило органы государственной власти в губернии в предвоенный период принять меры по защите охотничьих животных от истребления и по восстановлению популяции соболя.

Литература

1. Исторические очерки об основании, устройстве и развитии г. Енисейска // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы / Енисей. губ. стат. комитет. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. – 345 с.
2. Посчитано по: Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1996. – С.101.
3. Посчитано по: Там же. – С. 101–102.
4. Миненко Н. Экологические аспекты промысловой деятельности // Сибирская газета. – 1998. – 15–21 мая. – №11.
5. Годовой цикл жизни эвенков XVIII–XIX вв. // Витрина. – 1998. – № 37.
6. Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1996. – 223 с.
7. Латкин Н.В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее. – СПб.: Тип. В.А. Тиханова, 1892. – 468 с.
8. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1865. – Т. 1–2. – 378 с.
9. Ружейный и оптический магазин С.Н. Штаблера в Красноярске // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896 года / Енисей. губ. стат. комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1896. – 418 с.
10. Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год / Енисей. губ. стат. комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1905. – 281 с.
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Том IV. Вып. 3. – Иркутск: Тип. штаба Иркутского военного округа, 1894. – 227 с.
12. ГАКК. Ф. 31 (Фонд Енисейского губернского статистического комитета) Оп. 1. Д. 13. Л. 440.
13. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 115. Л. 65.
14. Посчитано по: ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 145. Л. 48, 129, 241, 448, 410.
15. Подсчитано по: ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 145. Л. 24.
16. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 145. Л. 24, 26, 27.
17. Туркин Н.В. Закон об охоте. 3 февраля 1892 года. С историческим очерком и мотивами, с приложением оставшихся в силе законоположений об охоте и таблиц сроков охоты. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. – 214 с.
18. История Сибири: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968. – 530 с.
19. ГАКК. Ф. 401 (Фонд Управления земледелия и государственных имуществ). Оп. 1. Д. 180. Л. 18.
20. Сведения о заказных лесах Енисейской губернии // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1-е января 1898 года / Енисей. губ. стат. комитет. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр., 1897. – 418 с.
21. Головачев Д.М. Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития. – Красноярск, 1903. – 30 с.
22. Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год / Енисей. губ. стат. комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1911. – 445 с.
23. Результаты промысловой охоты в Енисейской губернии в 1911 г. // Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год / Енисей. губ. стат. комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1913. – 229 с.
24. Тугаринов А.Я. Соболи в Енисейской губернии (современное состояние и значение соболиного промысла). – Красноярск, 1913. – 20 с.
25. Посчитано по: Там же. – С. 15, 16.
26. ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 281. Л. 1.
27. Там же. Л. 3–4.